

Если поступок Инь Чи потряс и разгневал Мэн Чэня, то появление Пэй Юйцзэ ввергло его в полное смятение, заставив усомниться, не абсурдный ли это сон. Его исчезновение из подземелья наверняка вызвало переполох в секте Тайсюань. Боясь разоблачения, Инь Чи не осмелился задерживаться надолго. Установив защитный барьер у входа в пещеру, он удалился, оставив Мэн Чэня в полном одиночестве.

Мэн Чэнь тщетно искал выход, но его внутренняя энергия была запечатана старейшинами при заточении, превратив его в беспомощного обывателя, неспособного преодолеть даже простейший магический барьер. Все его духовные инструменты и артефакты, которые могли бы помочь связаться с внешним миром, были конфискованы во время ареста. Оставалось лишь подавлять нарастающую тревогу и ждать, стиснув зубы.

Спустя три дня в пещеру наконец вошел человек, но это был не Инь Чи, а Пэй Юйцзэ.

— Старший брат! — Мэн Чэнь бросился к нему, облегчённо выдохнув, глаза его вспыхнули надеждой. — Что происходит снаружи? Секта ищет меня? Ты должен немедленно вернуть меня обратно! Всё это какая-то чудовищная ошибка, и только вернувшись, я смогу докопаться до правды!

Пэй Юйцзэ медленно покачал головой, его тонкие губы сжались в едва заметной гримасе.

— Обратной дороги больше нет, — произнес он со вздохом, отбрасывая со лба прядь чёрных как смоль волос. — Все уже убеждены: ты впал в демонический культ и дерзко бежал из-под стражи. Даже если ты вернёшься сейчас, кто осмелится поверить твоим словам?

— Учитель поверит! — твёрдо заявил Мэн Чэнь, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Я знаю, что как только он вернётся из затвора...

— Учитель погрузился в глубокую медитацию, — холодно перебил его Пэй Юйцзэ. — Месяцы... а может, и десятилетия пройдут, прежде чем он выйдет. Ты действительно готов провести все эти годы, гния в подземелье?

Мэн Чэнь почувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Он резко шагнул вперёд и схватил Пэй Юйцзэ за рукав, его пальцы дрожали от отчаяния.

— Тогда помоги мне, старший брат, — прошептал он, и в его голосе впервые зазвучала мольба. — Выведи меня отсюда. Я сам найду того, кто подставил меня. Этот человек знает меня, владеет техниками меча Тайсюань, он должен быть из нашей секты. Дай мне немного времени, и я...

— Помнишь нашу первую встречу? — внезапно перебил его Пэй Юйцзэ, и в его глазах вспыхнул странный огонёк.

Мэн Чэнь замер, глаза его расширились от непонимания.

— Я говорил тебе тогда, — продолжил Пэй Юйцзэ, медленно сжимая руку Мэн Чэня в своей, — что мир культа - это джунгли, где сильный пожирает слабого. Слишком наивные здесь не выживают. — Он мягко, но неумолимо притянул Мэн Чэня ближе, и в его взгляде вдруг мелькнуло что-то, напоминающее жалость. — Неужели за все эти годы ты так и не усвоил этот урок?

Пэй Юйцзэ вспомнил их первую встречу. Мэн Чэнь тогда был тощ и мал, покрыт дорожной пылью, выглядел едва ли презентабельнее Инь Чи в своё время. Наверняка хлебнул лиха в мире смертных... но глаза. О, эти глаза, такие ясные, чистые, невероятно прозрачные, словно горные родники.

Тогда Пэй Юйцзэ лишь равнодушно скользнул по нему взглядом, вежливо-холодно бросив: "Младший брат Мэн". Он всегда мастерски носил маски, порой и сам уже путался, где ложь, а где правда. Но этот ребёнок увидел и уловил скрытое раздражение за его безупречной улыбкой. И что удивительно, после этого никогда не навязывался, держался на почтительной дистанции.

До того рокового дня в Тайном мире, когда их сбросило в бездонный колодец-ловушку. На грани гибели от жажды, Мэн Чэнь вдруг протянул ему свой меч, последнюю надежду на спасение:

— Старший брат... бери. Выбирайся.

Пэй Юйцзэ тогда не почувствовал ни капли благодарности. Лишь мысль: "Глупец. Смешной, наивный глупец".

Сдаваться? Отступить? Никогда. Это противоречило самой его сути. Он поднял меч и шагнул к Мэн Чэню, готовый на всё. Тот был уже слаб от жажды, полумёртвый, прислонившийся к сырой стене. Услышав шаги, на его лице не отразился страх, лишь странное умиротворение, словно он видел сладкий сон.

И почему-то... жажда убийства в сердце Пэй Юйцзэ угасла. Он швырнул меч на каменный пол, грубо разбудил юношу, и они вместе продолжили поиски выхода.

Первый раз в жизни он пошёл против своей природы.

Позже они нашли узкий лаз в стене. Мэн Чэнь вдруг ожил, глаза его засветились:

— Жди здесь, старший брат! Я вылезу и приведу помощь!

И вновь, острый укол недоверия в сердце Пэй Юйцзэ. Вернётся ли?

Он уже догадывался о природе этого Тайного мира: по ту сторону лаза наверняка ждали искушения : несметные сокровища, эликсиры бессмертия, древние артефакты. Устоит ли простодушный Мэн Чэнь перед таким соблазном?

Но пока он колебался, юноша уже ловко пролез в узкий проход. Пэй Юйцзэ ждал... И о чудо , тот вернулся! С узелком в руках.

— Смотри, старший брат! Я нашёл еду! - Сиял он, протягивая узелок.

"Глупец", — подумал тогда Пэй Юйцзэ, но странно — эта глупость вдруг перестала раздражать.

Он молча принял принесённые припасы. Они выбрались вместе. Позже Мэн Чэнь, почуввав смягчение, стал постепенно сближаться. А чувства Пэй Юйцзэ менялись: от равнодушия к заботе, от заботы к привязанности, пока не переросли в нечто большее - "Он должен принадлежать только мне".

Он наблюдал, как тот хрупкий мальчик превращался в статного юношу. Менялись облик, сила, статус. Неизменным оставалось лишь сердце - чистое, доброе, чуждое мирской скверны.

Эта чистота одновременно завораживала... и бесила. Пэй Юйцзэ ненавидел себя за то, что путался в паутине желаний, как последний смертный. А Мэн Чэнь? Тот словно парил над суетой, его взгляд всегда был устремлён к Дао, к секте, к миру... но никогда к нему, Пэй Юйцзэ.

Это спокойствие рождало бессилие. Ярость. Безумие. Он жаждал врезаться в ту чистоту, оставить кровавый шрам. Глубже, больнее. Чтобы тот никогда больше не мог оставаться равнодушным. Чтобы запомнил навеки.

— Хотя я не ожидал, что Инь Чи поторопится... это место пока лучшее для тебя, — мягко произнёс Пэй Юйцзэ, возвращаясь в настоящее. Его пальцы нежно расправили складки на рукаве Мэн Чэня. — Тебя ищут, но я усилил барьер. Они не найдут тебя здесь.

Мэн Чэнь резко отстранился, отступая на два шага, будто видя его впервые. В его широко раскрытых глазах читался шок, непонимание, последние проблески надежды таяли.

— Старший брат... — голос его сорвался на хриплый шёпот, — это... шутка?

Молчание Пэй Юйцзэ стало красноречивее любых слов.

Он наблюдал, как лицо Мэн Чэня медленно рушилось, словно глиняная маска. В его собственных глазах мелькнуло что-то, напоминающее жалость , словно при виде вольной птицы, бьющейся о прутья клетки, не желающей верить в своё заточение.

Мэн Чэнь понял этот взгляд. И вдруг не ощутил ни гнева, ни боли, лишь ледяную волну абсолютного недоумения.

— А годы... — он с трудом выдавил из себя, — годы нашей братской дружбы? Что они для тебя значат?

Пэй Юйцзэ замер на мгновение, его длинные ресницы дрогнули. Потом он ответил с ледяной чёткостью, глядя прямо в глаза Мэн Чэню:

— Тогда... просто забудь о них.

Тишина повисла между ними, густая и тяжёлая, как предгрозовое небо. Где-то в глубине пещеры упала капля воды, её звонкий удар о камень прозвучал как похоронный колокол.

Мэн Чэнь провёл в этой мрачной пещере ровно тридцать два дня, если считать по каплям воды, падавшим с потолка в медный таз у стены. Каждая новая капля звенела, словно отсчитывая часы его заточения, наполняя сосуд медленно, но неумолимо — точь-в-точь как наполнялось его сердце горечью и отчаянием.

Каждый новый день начинался одинаково: серый рассвет, пробивавшийся сквозь трещины в скале, холодные каменные стены, покрытые инеем, и тусклый свет светящихся жемчужин, вмурованных в ниши. Тишину нарушали лишь редкие визиты двух людей, которых он когда-то считал самыми близкими в этом мире, двух предателей, раскрывших свои истинные лица.

Инь Чи появлялся чаще, каждые три дня, всегда аккуратно одетый в синие одежды ученика Тайсюань, с тщательно уложенными волосами, перехваченными нефритовой шпилькой. Его тонкие, почти женственные пальцы неизменно несли резную бамбуковую корзину с тёплыми кунжутными лепешками и флягу родниковой воды из Чистого Источника. Он усаживался на краю каменного ложа и начинал свой монотонный рассказ:

— Старший брат, сегодня в нижнем городе открылся новый рынок... — его голос звучал нарочито бодро, словно ничего не произошло, — торговцы из Южного Чу привезли диковинные фрукты. Я купил тебе хурмы, помнишь, ты любил её в детстве...

Мэн Чэнь лежал, уставившись в потолок, чувствуя, как его тошнит от этой фальшивой заботы. Он замечал, как глаза Инь Чи, обычно яркие, как молодые побеги бамбука весной, темнели и покрывались влажной плёнкой, когда он видел нетронутую еду с прошлого визита.

На пятый день заточения Инь Чи впервые осмелился прикоснуться к его руке:

— Старший брат... — его пальцы дрожали, как листья на ветру, — ты же не собираешься

уморить себя голодом? Это же... это же бессмысленно...

Мэн Чэнь резко дёрнулся, отбрасывая его руку, и отвернулся к стене, чувствуя, как по спине пробегают противные мурашки. За спиной он слышал сдавленные всхлипы. Инь Чи всегда плакал тихо, словно боялся потревожить его ещё больше.

Пэй Юйцзэ приходил реже - раз в неделю, ровно в полдень, когда солнце стояло в зените и слепящий луч пробивался сквозь щель у потолка, освещая пылинки, кружащиеся в воздухе. Он появлялся в дверях, облачённый в безупречно белые одежды старшего ученика Пика Небесных Откровений, с белоснежными нарукавниками, подшитыми серебряными нитями. Его длинные чёрные волосы были собраны в строгий пучок, перехваченный серебряной булавкой с нефритовым навершием - подарком Мэн Чэня на его двадцатилетие.

Он никогда не заходил сразу, сначала стоял в дверях, его тяжёлый взгляд, холодный, как зимнее озеро, медленно скользил по фигуре Мэн Чэня, будто проверяя, не появилось ли новых синяков, не похудел ли он ещё больше, не начал ли наконец есть. Затем раздавался его ровный голос:

— А-Чэнь... — эти два слога звучали как приговор, — ты всё ещё сердисься.

Какой смысл отвечать? Мэн Чэнь сжимал кулаки под тонким шёлковым одеялом, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Его молчание, казалось, злило Пэй Юйцзэ больше всего, брови старшего ученика сходились в резкой складке, губы белели от напряжения, но он лишь разворачивался и уходил, оставляя после себя запах сандалового дерева и чего-то горького, похожего на полынь.

На двадцать третий день, когда осенний дождь стучал по склонам горы, а пещера наполнялась сырым холодом, проникающим в самые кости, Мэн Чэнь наконец почувствовал, что печать на его ци дала трещину. Он лежал неподвижно, наблюдая, как капли пота стекают по вискам. Его внутренняя энергия, долгое время спавшая глубоко внутри, наконец начала шевелиться, как змея, пробуждающаяся после зимней спячки.

Он ждал этого момента три недели, три дня и семь часов.

Когда шаги Инь Чи наконец затихли в дальнем туннеле, Мэн Чэнь вскочил с ложа, игнорируя головокружение от долгого голодания и неподвижности. Его пальцы дрожали, когда он чертил в воздухе знакомые знаки - простейший приём "Рассеивания Небесной Печати", который старейшина Лян преподавал ему ещё мальчишкой, во время их тайных уроков в Бамбуковой Роще.

Первый слой защиты поддался неожиданно легко, слишком легко. Мэн Чэнь на мгновение замер, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Это была ловушка, это должно было быть ловушкой. Но остановиться теперь значило потерять единственный шанс.

Ловушка сработала у самого выхода . В тот момент, когда его пальцы уже коснулись мшистой поверхности скалы, ведущей на свободу. Мгновение он висел в воздухе, чувствуя, как магические кандалы смыкаются вокруг его лодыжек, а затем его скрутила резкая боль при падении на острые камни, вонзающиеся в рёбра.

— Я знал, что А-Чэнь попытается бежать.

Пэй Юйцзэ вышел из ниши, где, видимо, стоял все это время, сливаясь с тенями. Его длинные пальцы сжимали рукоять меча , того самого, подаренного Мэн Чэню в день их знакомства, с клинком из южного железа и рукоятью, обмотанной красной шелковой нитью.

— Почему, — голос Пэй Юйцзэ звучал странно хрипло, будто он сам не спал несколько ночей, — почему ты не можешь просто... подчиниться?

В его глазах плавали кровавые тени, а под левым глазом дергался нерв. Мэн Чэнь открыл рот, чтобы что-то сказать, проклясть, умолять, спросить "зачем" , но не успел.

Вспышка меча. Острая боль в запястьях. Тёплая кровь, струящаяся по пальцам и падающая на камни алыми каплями, как лепестки цветов сливы. Где-то вдали завыл ветер, будто оплакивая то, что только что произошло.

Когда Инь Чи нашёл его на рассвете , его крик разорвал утреннюю тишину.

— КТО ЭТО СДЕЛАЛ?!

Его пальцы, обычно такие нежные при перевязке ран, теперь судорожно сжимали окровавленные запястья Мэн Чэня, пытаясь остановить кровь собственной ци. Слезы капали на окровавленную одежду, оставляя тёмные пятна.

— Старший брат, — Инь Чи рыдал, прижимая к груди его безвольные руки, — я найду способ исцелить тебя. Клянусь Небесным Императором! Мы поедem в Долину Слив, к старейшине Ли... он... он знает искусства...

Но Мэн Чэнь уже не слышал. Он смотрел в потолок пещеры, где тени от светящихся жемчужин рисовали причудливые узоры, и думал о том, что боль очень странная вещь. Сначала она обжигает, как огонь, затем становится ледяной, а потом... потом её просто нет.

Как и его рук.

Как и его меча.

Как и его прошлой жизни.

Дни слились в одно серое пятно, без начала и конца.

Пэй Юйцзэ исчез на семь дней, ровно столько, сколько нужно, чтобы доскакать до Горы Пяти Громов и обратно. Когда он вернулся, его роскошные белые одежды были покрыты дорожной пылью и бурыми пятнами, то ли от грязи, то ли от крови. На лице красовался свежий шрам - длинный, неровный, от левой брови до угла рта, будто оставленный когтями какого-то чудовища.

Он молча сидел у ложа Мэн Чэня, пока Инь Чи менял повязки, пропитанные ароматными травами, и только когда младший ученик вышел, наклонился ближе, так что его дыхание, пахнущее железом и полынью, обожгло щеку Мэн Чэня:

— А-Чэнь... — его голос звучал хрипло, будто он много кричал, — в тот день... я не контролировал себя.

Впервые за все дни заточения Мэн Чэнь медленно повернул голову и посмотрел ему прямо в глаза, пустые, как высохшие колодцы.

Пэй Юйцзэ вздрогнул, в этом взгляде не было ни ненависти, ни страха. Только пустота, огромная, как пустыня Гоби в зимнюю ночь.

— Скажи хоть слово, — голос старшего ученика внезапно сорвался на хрип, — прокляни меня. Ударь. Что угодно...

Но Мэн Чэнь уже отвернулся, уставившись в стену, где трещина в форме драконьего когтя пересекала камень по диагонали.

Инь Чи, доведённый до отчаяния, однажды упал перед ним на колени, ударившись лбом о каменный пол: — Разве любовь — это преступление? — его слёзы капали на одеяло, оставляя тёмные пятна, похожие на следы от дождя. — Я просто... не могу без тебя. Я сойду с ума...

Где-то в глубине омертвевшего сердца Мэн Чэня шевельнулась горькая усмешка, сухая, как осенний лист.

Так вот что они называют любовью.

Любовь, которая калечит.

Любовь, которая лишает воли.

Любовь, от которой хочется умереть.

Принудительно возвращённый к воспоминаниям, которые он жаждал забыть, Мэн Чэнь ощутил приступ тошноты. Он схватил золотую цепь, прикованную к его лодыжке, и с яростью стал рвать её.

В те дни оба его мучителя, доведённые его молчанием до иступления, придумывали новые способы удержать его. Пэй Юйцзэ нашёл эту алмазную цепь "чтобы больше никогда не потерять".

Удар. Ещё удар. Без духовной энергии, даже лучший меч был бесполезен. Цепь оставалась невредимой.

— Всё это иллюзия, — сквозь зубы прошептал Мэн Чэнь, чувствуя, как иглы боли пронзают всё тело. — Фантазм. Неправда.

Формирование Бессердечия, или Пленение Сердца, вытаскивало наружу самые тёмные воспоминания, погружая разум в пучину кошмаров.

Пот заливал глаза. С очередным , цепь выскользнула из дрожащих рук.

Неужели это его судьба?

Бесплодное сопротивление, неизменный итог?

Когда Сюэ Лан ворвался в пещеру, его крик разбудил Мэн Чэня от этого бесконечного кошмара, как удар гонга в тишине храма.

— МЭН ЧЭНЬ!

Сквозь пелену воспоминаний, густых как смог над рекой Янцзы, он увидел знакомое лицо .Эти широкие, честные глаза, сейчас были полны ужаса, как у ребёнка, впервые увидевшего смерть.

— Если не очнёшься, я тебя ударю! — этот детский, искренний голос стал якорем в бурном море кошмара, верёвкой, брошенной утопающему.

И Мэн Чэнь вспомнил , что сейчас всё иначе.

Он сильнее. Он не одинок. Он больше не тот наивный юноша, слепо веривший в братскую любовь.

Собрав все силы, и физические, и духовные, он схватил золотые цепи, опутавшие его душу, и со звуком, похожим на треск ломающегося льда на озере весной, разорвал их.

Звон разлетающихся звеньев возвестил: кошмару конец.

Сюэ Лан был настолько взволнован, что казалось, вот-вот вспыхнет. В тот момент, когда он уже совсем отчаялся, он вдруг почувствовал, как юноша у него на руках слабо кашлянул. Длинные, как крылья цикады, ресницы дрогнули и медленно поднялись, открывая мутноватый, но осознающий взгляд.

Сюэ Лан остолбенел, а затем обрадовался так, что сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Как ты? Ты ранен? Где болит? — засыпал он вопросами, слова путались и набегали друг на друга, как весенние ручьи.

Мэн Чэнь выглядел так, будто его только что вытащили из воды, бледное лицо, влажные от пота виски, промокшие пряди, прилипшие к шее. Даже глаза казались затуманенными, будто подёрнутыми утренней дымкой. Его светлые, прозрачные, как горный хрусталь, глаза неотрывно смотрели на Сюэ Лана. И когда тот уже начал ёрзать под этим взглядом, губы Мэн Чэня дрогнули, и он тихо выдохнул всего одно слово:

— Больно...

Услышав это, Сюэ Лан почувствовал, будто его сердце рубанули восемьсот раз топором, так что оно истекло алой кровью.

— Где... где болит? — спросил он почти беспомощно, голос сорвался на шепот.

— Всё болит, — тихо ответил Мэн Чэнь.

Сюэ Лан выглядел так, будто готов был рухнуть на колени. Даже руки, державшие Мэн Чэня, стали двигаться осторожнее, словно он боялся причинить малейшую боль.

— Потерпи немного, я сейчас же вынесу тебя отсюда!

Он уже собрался поднять юношу, но тот слабо потянул его за рукав. Сюэ Лан тут же замер,

будто его заколдовали.

— Всё в порядке, скоро пройдёт, — пальцы Мэн Чэня, бледные и тонкие, как стебли орхидеи, сжали ткань его одежды. — Сюэ Лан... просто поддержи меня немного.

На мгновение Сюэ Лану показалось, что он ослышался. Он затаил дыхание, заглянул в глаза юноше, но они были ясными, без тени бреда.

Сделав несколько глубоких, прерывистых вдохов, он осторожно обнял Мэн Чэня.

— Так... так нормально?

Мэн Чэнь закрыл глаза, ощущая надёжное тепло и знакомый запах, и тихо кивнул.

Уши Сюэ Лана уже пылали, а сердце колотилось так бешено, что, казалось, вот-вот выскочит через горло. Щека Мэн Чэня покоилась у него на груди, и он ужасно боялся, что тот заметит его состояние. Пришлось изобразить сердитый тон:

— Ну и ну! То грубишь, говоришь, что больше никогда не позволишь мне о тебе заботиться, что мы чужие люди... А теперь вот так!

Но едва эти слова слетели с его губ, Сюэ Лан с ужасом осознал, что в его голосе явственно слышались обида и упрёк.

Мэн Чэнь, конечно же, это заметил.

— Виноват, — закрыв глаза, Мэн Чэнь говорил так тихо, что слова походили на дуновение ветерка, ласково задевающее сердце Сюэ Лана. — Отныне разрешаю тебе обо мне заботиться... Хорошо?

<http://bllate.org/book/14626/1297714>